

УДК 821.161.1.09-3

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЗМА В ПРОЗЕ ТВЕРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (В. В. ГОДОВИЦЫН, В. К. КАМЯНСКИЙ)

П. С. Громова, Ю. Л. Василевская

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Тверские писатели обращались не только к истории родного края. Их внимание неоднократно привлекали и крупные события, важные для всей нации. Их неопенимый вклад в русскую литературу заключается в попытке вписать местную историю в общероссийский масштаб, «оживить» в глазах читателя известных, канонизированных древней литературной традицией личностей.

Ключевые слова: *тверская литература, проблема историзма, В. В. Годовицын, В. К. Камянский.*

Тверская история и общерусская история неразделимы. Этот тезис лежит в основе практически всех произведений тверских писателей, обращавшихся к исторической прозе. Однако способ изображения исторических событий и особенности преподнесения их читателю у каждого из них индивидуальны. Мы остановимся на двух знаковых для тверской исторической прозы фигурах – В.В. Годовицыне и В.К. Камянском.

Рассказы, представленные в наиболее полном на настоящее время сборнике исторической прозы В. Годовицына «О тверской истории» [3], уже знакомы читателям по изданиям прошлых лет [4; 5]. Однако, пожалуй, именно в этом сборнике проза писателя приобретает ту идейную и художественную цельность, которая позволяет говорить об индивидуально-авторской историографической и историософской концепции. Перед взором читателей разворачивается панорама тверской истории, органично включённой в историю России, и это не разрозненные фрагменты, а единое полотно, осенённое глубоким пониманием национального наследия и глубоким уважением к нему.

Хронология исторических событий, обусловившая порядок включения рассказов в сборник, вычерчивает общие направляющие развития русской истории: становление русской государственности, обретение национальной самоидентичности, зарождение, расцвет и закат русской религиозности. В центре повествования оказывается тверская земля, но переход от одного сюжета к другому сопряжён с расширением художественного и исторического пространства. В первом рассказе «Истоки наши» речь идет о крошечной деревушке, где бок о бок с пришлыми славянами живут коренные (по В. Годовицыну) жители Верхневолжья – загадочное племя меря. Герой второго рассказа Ефрем Новоторжский проделывает немалый путь, прежде чем останавливается на земле, где ему суждено основать монастырь. Действие следующих рассказов разворачивается на территории Тверского княжества, в Торжке, в Орде. Упомянуты древнейшие русские города и их правители, перед читателями предстают и Петр I, и Александр I. Таким образом, проза В. Годовицы-

на, посвящённая тверскому краю, не лишена определённой масштабности. Описываемые в ней события органически вливаются в национальную историю. Однако все линии повествования неизменно приводят в Тверь – не как в политический или экономический центр, но как в оплот духовной жизни.

В основу рассказов В. Годовицына легли не только летописные, но и агиографические сюжеты древней тверской литературы. Обращение к ним представляется закономерным и даже необходимым: «Историзм является неотъемлемой чертой всей древнерусской церковной литературы, включающей повествования о событиях и лицах, о битвах, о святых, о князьях-полководцах, о постройках церквей, о чудесах и явлениях святых икон, вообще о всём, что свершалось» [1, с. 7]. В то же время автор стремится оживить, расцветить известные сюжеты эпизодами, изображающими обычную жизнь и воссоздающими колорит эпохи. Поэтому наряду с тверскими князьями и святителями, обретшими известность далеко за пределами нашей земли, в рассказах В. Годовицына встречаются яркие образы кметей (княжеских дружинников), крестьян, горожан – простых людей, в чьих характерах и судьбах находит своё отражение обычная жизнь того времени.

Рассказы В. Годовицына охватывают всю историю тверского края – с Крещения Руси до рубежа XX века. Однако последовательное и прилежное соблюдение им хронологического принципа имеет одно небольшое, но принципиальное нарушение в рассказе «Дорога к Анне Кашинской». Он помещён в первой половине сборника, между рассказами «Михаил Ярославич» и «Дмитрий Грозные Очи». Однако действие его относится к 1906 или 1907 году (самое позднее историческое время в прозе В. Годовицына). В нём есть лишь небольшой эпизод, посвящённый Анне Кашинской, но не дающий никакого представления о её личности. Главными же героями являются бабушка и её внук. В этом нарушении есть свой смысл. Прежде всего, такой временной разрыв позволяет подчеркнуть очень важную для автора мысль о народной памяти, о преемственности и крепчайшей связи между поколениями (в полной мере эта мысль развита в повести «8 июля. Любовь и жизнь Петра и Февронии, Муромских чудотворцев» [2]).

Кроме того, благодаря размещению этого последнего (по исторической хронологии) рассказа *внутри* сборника, открывающим и замыкающим оказываются рассказы «Истоки наши» и «Тверские встречи Карамзина» соответственно. Это создаёт важную для сборника кольцевую композицию: в последнем рассказе автор возвращается к идее сохранения родных «истоков» – древней истории. В последнем рассказе не случайно подчёркивается глубоко критическое отношение Карамзина к современности. Умудрённый многовековым опытом, почерпнутым из множества исторических документов, он постиг нравственно-дидактический смысл истории и благодаря этому прозревает и будущее России.

Также писатель обращается к проблеме формирования русского религиозного сознания. Уже в первом рассказе говорится о Крещении Руси – сложном, драматическом, но неизбежном процессе. В остальных тоже подчёркивается важнейшее значение христианских верований в жизни людей. Пусть и смешанные с языческими воззрениями, они всё же являются главным нравственным законом. Но со становлением государственности этот закон постепенно теряет свою власть. И вот он уже не становится препятствием для влюбленного Юрия («Иульяния из Торжка»), погибает в Отроч монастыре митрополит Филипп. Писатель изображает трагический раскол между исповедуемой религией и реальным поведением людей.

Рефреном звучат слова: «О том, что крещёные, вспоминаем только в церкви». И если в рассказе «Ефрем Новоторжский» на разбойниках ещё нет крестов, то в рассказах, следующих после «Михаила Ярославича», зло творят уже крещёные люди.

В связи с этим в рассказах В. Годовицына одной из основных становится тема всеобщего человеческого братства, которое должно стать залогом благополучия каждого. Единство людей представляется его героям как божественное откровение, как высший закон, по которому и надо строить свою жизнь. При этом писатель признает, что одного вероисповедания для этого недостаточно: «Смотрел на людей новгородских Борис Тверской, как на чужаков, словно веры другой были и языка иного. Не зародилось ещё в сердцах тогдашних князей сознание единой нации, единой жизни для всех русских. Пастырь духовный – митрополит русских земель Московской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Рязанской, Владимирской и иных прочих был давно. Да не суждено было для наших предков объединиться лишь словом, одной верой. Для соединения многих людей нужна крепкая власть умного и сильного человека. Земля ещё ждала его» [3, с. 143].

Тверской князь Борис Александрович так размышляет о власти: «Власть, она... она, что икона... чистой должна быть... светлой. Тогда будут верить, будут служить ей по совести» [3, с. 138]. В этих словах парадоксальным образом совмещается сакральное и светское, рождая некий утопический, но оттого не менее притягательный образ правителя.

То братское единство, к которому стремятся все положительные герои В. Годовицына, осуществимо не только в далёком будущем. Оно, по его мнению, было и в доисторические времена. В рассказе «Истоки наши» Кирыша сообщает всему собравшемуся мерянскому селению, что славяне скоро придут рубить священный дуб и устанавливать свою веру. Односельчане молчат и, словно у них одна душа на всех, создают коллективный внутренний монолог, лишь формально разбитый на реплики. Духовное единство, сложившееся в течение очень долгого времени, делает словесное общение избыточным. Жизнь мерян не изображается как образцовая – наоборот, идеализируются славяне. Но уровень их духовной сплочённости очень высок.

Сборник рассказов В. Годовицына «О тверской истории» воспринимается как цельный текст. Этому способствует широкое использование в качестве источников цитирования исторических документов, летописных сводов, хроник и житийных текстов, а также внимательное, вдумчивое отношение к языку повествования и речи персонажей. Объединяющим фактором становятся и общие темы, идеи, мотивы. Однако, говоря об этой книге, следует отметить её содержательную неоднородность. Являясь художественным целым, она тем не менее разделяется на два блока. В первый можно включить рассказы «Истоки наши», «Ефрем Новоторжский», «Михаил Ярославич» и «Дорога к Анне Кашинской», во второй – все остальные. Такое разделение может быть продиктовано различными подходами к историческому материалу.

В первой части сборника мы можем видеть ультраромантический подход к истории, ее мифологизацию, идеализацию и сакрализацию. Идеальными соседями предстают для мерян пришлые славяне: всех гостей принимают, кормят, со всеми в мире живут, дружно работают и дружно веселятся. Этот идеал не портит тот факт, что славяне, приняв христианство, идут рушить исконный порядок жизни мерян: даже в этом они оказываются правы, причём лучшие из мерян это осознают. В рассказе же «Михаил Ярославич» отразилось совершенно некритичное отношение к

сложной личности князя и к историческим обстоятельствам, сопутствовавшим его гибели.

Однако в рассказах после «Дороги к Анне Кашинской» художественные принципы писателя претерпевают значительные изменения. Продолжая отбирать знаковые эпизоды из истории тверской земли, обращаясь к образам известных правителей, В. Годовицын старается сделать повествование более объективным, реалистичным. Уже Дмитрий Грозные Очи предстаёт сложной личностью, в которой сознание своей ответственности за княжество борется с жадой мести. Его образ динамичен и близок не агиографическому, а историческому портрету. То же самое можно сказать и о князе Борисе и череде других героев, предстающих перед читателем. Не утрачивая известной дидактичности, рассказы писателя становятся более реалистичными и художественно выразительными, а исторические личности, не переставая быть образцами для подражания, обретают не иконописные черты, а естественные характеры.

В.К. Камянский, автор целого ряда произведений на исторические темы (сборники рассказов «За землю Русскую», «Половецкое поле», исторические драмы «Дунай течёт на восток», «Прощание славянки», тверская хроника XIV века «Цветок Руси»), как и многие писатели, не смог пройти мимо сюжета о походе князя Игоря против половцев в 1185 г. Его сборник «Половецкое поле» открывается одноимённым рассказом с подзаголовком «Маленькая повесть по мотивам “Слова о полку Игореве”». Описание похода полностью лишено мистической составляющей. Отсутствует эпизод с затмением, предупреждающими криками птиц и зверей. Даже волчий вой («влци грозу врожат по яругам») автором демистифицируется: так перекликаются половецкие сторожевые отряды, следящие за передвижением русских войск. Поход Игоря с самого начала изображается как поход не за славой, а ради защиты русских людей. Несмотря на это, герой на протяжении всего повествования мечется между вполне понятным для князя того времени желанием прославиться, возвысить род Ольговичей в глазах остальных князей и мыслями об ином, более высоком предназначении самого института власти.

Рассказ построен на скрытых цитатах и аллюзиях, отсылающих к этому древнерусскому памятнику. Автор встраивает их в текст таким образом, словно поэтические обороты «Слова» подсказывались его создателю (по версии, предложенной В.К. Камянским, это боярин Дмитрий Трубчевский, друг и соратник Игоря) окружавшими князя простыми людьми. В рассказе можно выделить множество опорных точек, которые связывают «Половецкое поле» со «Словом о полку Игореве». Так, скрытая цитата присутствует в одном из самых значимых для текста эпизодов, когда Игорь смотрит с кургана на бескрайнюю степь и мучается сомнениями: следует ли продолжать неудачно начавшийся поход. Он знает, что поселения русских отступают на север, что пустыют плодородные земли: «Редко теперь тут пахари покрикивали, но часто вороны граяли, деля трупы...» [6, с. 11] Эта фраза точно повторяет плач сказителя о земле русской, которую постоянно воюющие друг с другом князья оставили на разграбление иноземцам [7, с. 485]:

Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
и часто врани граяхуть,
трупиа себе деляче...

Игорь вспоминает, как женщина из разорённого половцами села упрекала его в том, что он знается с «погаными», презрительно называла его «Кончаков сват».

Причину разрухи она видела не в самих половцах, а в усобицах князей, забывших своё истинное предназначение. Это воспоминание укрепляет Игоря в мысли о том, что не желание прославиться погнало его в этот поход: «О, не гордыня заставила его вступить в стремя, а беда родной земли! Не поворотит он коней, нет! А либо голову сложит, либо изопьёт шеломом синего Дону...» [6, с. 14]. Здесь автор явно меняет мотивацию героя, поскольку в «Слове о полку Игореве» князь в этих словах высказывает именно желание прославиться, несмотря на грозное знамение-предупреждение в начале похода.

Ещё одна аллюзия на «Слово» возникает в речи дядьки Игоря, воеводы Ноздречи, который указывает своему воспитаннику на неспособность князей выступить единым войском против Поля: «Всем князьям – киевским, черниговским, суздальским и прочим – давно бы надо поспешить сюда вкуче, дружно. А вы бьётесь с половцами порознь, каждый за свой удел. Мало добра от этого. Дикие топчут конями русские нивы, веют русским душу от тела» [6, с. 23]. Этот образ, который мог возникнуть только в голове бывшего крестьянина, позаимствован из следующего отрывка [7, с. 493]:

На Немизе снопы стелют головами,
молотят чеши харалужными,
на тоце живот кладут,
веют душу от тела.
Немизе кровави брезе
не бологом бяхуть посеяни –
посеяни костью руских сынов.

Образ кровавого сева присутствует и в речи безымянной женщины: «Своими крамолами наводите поганых, пашете Русскую землю копытами половецких коней, а прорастает она пеплом да нашими костью...» [6, с. 12].

Неявные цитаты В.К. Камянского создают атмосферу, в которой и родились одни из самых ярких и поэтических образов «Слова». Показательно, что они возникают в речи не князя Игоря или Дмитрия Трубчевского, а в речи простых людей. Именно эти люди, по мнению тверского писателя, и становятся истинными создателями «Слова о полку Игореве».

Список литературы

1. Архимандрит Платон (Игумнов). Историзм русской церковной литературы // Духовный потенциал русской классической литературы : сб. науч. тр. М. : Русский мир, 2007. С. 6–13.
2. Годовицын В. 8 июля. Любовь и жизнь Петра и Февронии, Муромских чудотворцев. Тверь : СФК-офис, 2008. 28 с.
3. Годовицын В.В. Рассказы о тверских святых. Тверь : Тверская обл. типография, 2005. 256 с.
4. Годовицын В.В. Рассказы о тверских святых. Тверь : Тверское обл. книжно-журнальное издательство, 1994. 128 с.
5. Годовицын В.В. Рассказы о тверской истории. Тверь : Книжн. клуб, 1992. 104 с.
6. Камянский В.К. Половецкое поле: исторические рассказы и пьеса. Калинин : Калининское кн. издательство, 1961. 205 с.
7. Повести Древней Руси : сборник / Вступ. ст. Д.С. Лихачёва. М. : Эксмо, 2009. 736 с.

**HISTORICISM PECULIARITIES IN PROSE OF TVER WRITERS
(V. V. GODOVITSYN, V. K. KAMYANSKY)**

P. S. Gromova, Yu. L. Vasilevskaya

Tver State University
the department of philological basics of publishing and literary creation

Tver writers considered not only the history of the native land. Their attention was repeatedly attracted by great events that were important for the whole nation. Their invaluable contribution to the Russian literature is in their attempt to enter the local history into All-Russian scale, to “animate” for the readers some well-known persons having been canonized by the ancient literary tradition.

Key words: *Tver literature, the problem of historicism, V. V. Godovitsyn, V. K. Kamyansky.*

Об авторах:

ГРОМОВА Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.